

Анна Васильева

Под Созвездием
Большой Медведицы

Анна Васильева
Под созвездием Большой Медведицы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10245466

ISBN 978-5-4474-1061-2

Аннотация

Единственный отпуск за три года! И оказывается, любовь может нечаянно нагрянуть прямо рядом, на лесной заимке, вместе с интересными приключениями.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Под созвездием Большой Медведицы
повесть о любви
Анна Васильева

© Анна Васильева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

«Все! Все! Все! Этот остаток лета только МОЙ! Я села в поезд. И он скоро отойдет от перрона и увезет меня. Мне просто надо отдохнуть. Я слишком устала за последнее время это просто истощение духовных и физических сил».

Уложив под нижней полкой большую дорожную сумку, она уселась поближе к окну за столик. Нервное волнение внезапно охватило противной дрожью. Чтобы унять ее, она засунула ладони между коленок и крепко прижала. Способ неплохой, но успокоиться не получалось и дрожь не прекращалась.

«Я имею на это право», – успокаивала она себя, прикрыв веки. – «Никто не может меня преркнуть ни в чем или укорить».

Последние почти три года ей пришлось, на самом деле, очень много работать, чтоб развить свой бизнес и помочь купить старшему сыну Ваньке квартиру. Закончить вместе с младшим сыном Семкой школу и поступить в институт. Старший сын, Ваня, был раньше ее больной темой, но она сделала все и для его бизнеса. Теперь больных тем не осталось.

Она уладила свои дела и могла спокойно отдохнуть. До Новосибирска не так далеко, а там ее встретит двоюродный дядя по матери. Ночь она проспала спокойно.

На перроне ее ждал дядя Сева – Всеволод Анатольевич Гермлер. Она сразу узнала его. Для семидесяти пяти лет он выглядел замечательно, так как всегда, жил в лесу, а не дома. Он стоял и пытался взглядом найти племянницу. Ну, вот, нашел и она увидела приятную улыбку дяди. С довольно тяжелой сумкой она вышла из вагона. Легкая, стройная, едва доставала Всеволоду Анатольевичу до плеча, и бросилась ему на шею. Всеволод Анатольевич нежно обнял ее и поцеловал в макушку.

– Дядя Сева! – Закричала она, но вдруг отстранилась. – Ничего не поменялось в наших планах?

– Ничего, Маняшка! – И снова прижал ее к себе.

Маняшка! А то, что Маняшке было сорок четыре года! Это как? Ай! Все к черту. Могу я побыть хоть недолго инфантильной идиоткой? Очень даже могу! К черту всю серьезность!

Она перебросила тяжеленную спортивную сумку через плечо и Всеволод Анатольевич удивленно поднял брови, но ничего не сказал на этот жест. Идя по привокзальной площади, она сияла от странного счастья и всеобъемлющей свободы, а с губ не сходила блаженная улыбка. Всеволод Анатольевич подвел ее к «Тойоте-Камри». За рулем сидел мужчина, похожий на дядю. Он вышел из машины и подошел к ним.

– Знакомься, Машенька – это мой младший сын Кирилл.

Маша прикинула возраст – тридцать пять-тридцать шесть лет – и протянула руку.

– Мария.

– Кирилл, – не смущаясь отрекомендовался кузен и в ответ крепко сжал ее ладонь.

Маша с дядей Севой погрузились на заднее сиденье, а сумку устроила в ногах. Ехали минут пятнадцать. Она оглядывала город – современный, почти как Красноярск. Только вкрапления старины и остались. В одно мгновение ей показалось, что никуда и не уезжала, но мысленно понимала, что город чужой.

– Какие у вас планы? – Не оборачиваясь, поинтересовался Кирилл.

– План только один – уехать с вашим отцом в тайгу.

– Может, перейдем на «ты»? Все-таки родственники. – предложил Кирилл.

– Не против, – пожала плечами Маша.

– Отец только послезавтра едет на заимку. Тебе зачем туда?

– Релаксировать, – ответила Маша и уставилась в окно.

– В отпуск?

- Ага. Первый раз за три года.
- Что так редко? – удивился Кирилл.
- Не получалось. Работы много.

Больше она не произнесла ни слова, пока не подъехали к типовой пятиэтажке. Кирилл круто повернул во двор и остановился возле второго подъезда.

Маша окинула взглядом все, что находилось за салоном машины кузена: убитый двор с покосившимися постройками, обросшие кустарники, о которых все забыли и все остальное, что так роднит один город с другим.

- Все. Приехали, – провозгласил Кирилл.

Маша только кивнула головой. Открыла дверку и вытащила сумку. Снова окинула дом: ничего особенного.

- Какой этаж?
- Третий, – ответил Всеволод Анатольевич. – Пошли. Нас уже ждут.

Дверь открыла неведомая до селе мать Кирилла. Она приветливо улыбалась и пропустила нас вперед. Кирилл задержался возле матери, вручил пакеты с продуктами и крикнул на всю квартиру:

- Маша, папа, я поехал. Пока. – Только дверь хлопнула.
- Не обращайтесь внимания на него, Маша. Я – Лия Исааковна, – извиняясь за сына, проговорила хозяйка.

– Лия Исааковна, не извиняйтесь, – успокоила ее Маша. – У меня их тоже двое и они ничем не отличаются от ваших. Разве только возрастом.

Лия Исааковна ушла на кухню, а Маша с дядей расположились на диване в большой комнате. Через полчаса они вкушали вкусный обед под рюмочку ледяной водки. Лия Исааковна только пригубила, а дядя с племянницей выпили по паре рюмок за приезд и оставили.

- Чем вы будете заниматься, Маша? – Спросила Лия Исааковна.
- Отдыхать. В тайге.
- Сева, ты что, заберешь ее с собой? С ума сошел!
- Не беспокойтесь. Он выдаст ружье и мне нечего и некого бояться.
- Не понимаю я отдыха в тайге! – Удивлялась Лия Исааковна. – Что там делать?
- Ничего. Только я и лес. А дядя Сева пусть идет по своим делам.

Вечером Маша с удовольствием улеглась на чистую постель в большой комнате и сразу же заснула. Ей ничего не снилось. Она словно провалилась в сон. Крепкий и глубокий. Не слышала, как пришел Кирилл, как он подошел к ее изголовью и внимательно смотрел на нее. Ему показалось странным, что женщина средних лет захотела, пусть на время, поселиться в глухой тайге. Такого среди его знакомых не было.

Лия Исааковна прибиралась на кухне. Она обернулась, когда сын подошел к ней.

- Тебе не кажется, что Маша странная женщина? – спросил он мать.
- Нет, – просто ответила Лия Исааковна. – Она просто очень устала и нет ей нигде отдыха ни дома, ни на работе. Ну, нигде. Остается только спрятаться там, где трудно найтись.

Кирилл поднял брови: как просто мать объяснила приезд кузины! Потом пошел в спальню к родителям – Всеволод Анатольевич, удобно устроившись, читал какую-то книгу.

- Он оторвался от страниц:
- Ты чего бродишь?

– Мне показалось, что Маша странная, а мама говорит, что она просто хочет на время убежать от людей. Ты как думаешь?

– Думаю, что мама права, Кира. У Машки жизнь не просто складывалась, но она не унывала. За это очень многие думают, что она лекомысленная, а это не так. Забот хватает. Вот она и сбежала, сказав только своей матери, где ее искать.

Кирилл снова поднял брови: его удивляло, что родители так хорошо понимают чужую душу, а говорят, что она потемки! Оказывается, для некоторых там не очень-то темно! Посмотрел на отца, но тот опять занялся книгой, и пошел в свою бывшую спальню.

Мама не позволяла там ничего менять – Кирилл еще не женат, не смотря на свои тридцать шесть лет, и комната должна оставаться за ним. Узкая кровать была расправлена заботливыми руками Лии Исааковны. Раздевшись, он прыгнул под простыню – такую прохладную! – и, быстро приняв удобное положение, уснул.

Маша проснулась, по ее меркам, рано – почти в девять, но Лия Исааковна проснулась еще раньше и колдовала на кухне. Увидев Машу, она заулыбалась.

– Проходи. Я сейчас налью чаю. Или лучше кофе?

– Кофе, – ответила Маша. – И покрепче... и побольше. Я только умоюсь.

– Иди. Я сейчас приготовлю.

В ванной комнате скоро она унюхала приятный аромат варившегося кофе. Покончив с умыванием, пришла в кухню и села на табурет за узким столом. Кофе просто сводил с ума своим запахом. Лия Исааковна достала малюсенькую чашечку из навесного шкафа, но Маша только покачала головой и тихо промолвила:

– А можно вон в ту чашечку?

Лия Исааковна посмотрела на что показывает племянница – это была почти пол-литровая кружка мужа!

– В нее?!

– Ага! – Обрадованно ответила Маша.

– Но кофе очень крепкий!

– Это даже хорошо – глаза быстрее откроются.

Удивленная тетя Лия налила полную кружку ароматного напитка и поставила перед Машей. Глотнув, она ощутила приятную горечь несладкого кофе, и закрыла от наслаждения глаза. Лии Исааковне на одну секунду показалось, что племянница сейчас замурлыкает от наслаждения.

– Может, булочку или печенье?

– Нет. Благодарствую. Только кофе.

Когда было отпито полкружки, в кухне показалась сначала голова, а потом и весь Кирилл. Он повел носом.

– Чем это у нас так непривычно пахнет?

– Почему непривычно? – Не поняла Маша.

– Потому что никто в этом доме уже очень давно не пьет кофе по утрам. Папа предпочитает чай из-за гипертонии. Мама тоже самое. Но сегодня... я даже не понял сначала. А мне осталось?

Лия Исааковна подняла прозрачный кофейник с подставки и показала сыну.

– Есть, но прежде умойся. – Она потрепала лохматую голову сына.

Кирилл поднял ладонь к виску, словно отдал честь, и, развернувшись, четким шагом отправился исполнять приказание матери. Лия Исааковна улыбнулась ему в след. Она достала маленькую кофейную чашечку, повертела ее в ладони и поставила на место. Потом достала чайную кружку, чуть меньше, чем у Маши, и налила в нее кофе. Сахар класть не стала – сам положит. Когда Кирилл уселся за столом, брови его поднялись так высоко, как никогда не поднимался. Он внимательно посмотрел на мать.

– ЭТО мне? – Лия Исааковна, смеясь, кивнула. – Быстро тебя перевоспитали! – Кирилл отпил из кружки и, как Маша, прикрыл глаза, наслаждаясь вкусом. – Мама привыкла наливать «наперстки» и не понимает, что некогда часто бегать за кофе. Но ты превзошла мои ожидания! – Кирилл преподнес кухне поклон настоящего идадьго.

Маша, молча пила кофе и, слушала дифирамбы в свою честь, так же молча улыбаясь. О ней давно никто не заботился. Это оказалось приятно. Она почти не слушала щебетания двоюродной тетки, но блаженная улыбка не сходила с ее лица.

– А папа поднялся? – Вдруг спросил Кирилл.

– Да, но его уже нет. Он ушел в институт.

– А когда придет? – Спросила Маша.

– Скоро. Он просил, чтобы ты его дождалась. – Лия Исааковна кивнула на Машу, словно на кухне кроме нее и Маши еще были женщины.

– Хорошо, – она поставила пустую кружку на стол, пошла к сумке и достала большое полотенце. – Я пока ванну приму, а то когда еще придется, – засмеялась и закрыла дверь ванной комнаты.

– Маше не дашь ее годы, – заметил Кирилл.

– Ну и не давай! Допивай свой кофе и собирайся на работу.

– А мне сегодня сопровождать Машу по магазинам. Я отпросился с работы.

– По каким магазинам? – Удивилась Лия Исааковна.

– Она хочет купить кое-чего для долгого пребывания в тайге, а потом я отвезу их с папой поближе к заимке.

– Но они поедут только завтра!

– А я на три дня и отпросился! Папа не умеет ездить на «УАЗике», а туда кроме него ни на какой машине не доедешь.

Лия Исааковна ничего не ответила. Она знала, что Всеволод Анатольевич не ездит один на ближнюю заимку. Его всегда увозил Кира. Она постоянно собирала мужу пару больших рюкзаков с провизией и медикаментами. Для перевязок, от гипертонии и прочих старческих болезней. Но себя Всеволод Анатольевич никак не хотел признавать стариком. О пыжился и старался выглядеть не на семьдесят пять, а хоть чуть-чуть, но моложе. Только жену ему не провести. Она точно знала, какие болячки могут обостриться у него за то время, пока муж будет носиться лосем по тайге.

Маша тоже прихватила кое-какие лекарства и, если понадобится, купила все для перевязки. Как истинная женщина, положила иголку с парой катушек ниток – черные и белые. На себя она тоже сделала припасы в магазине из того расчета, что недели две ей придется жить одной на дальней заимке.

– И не страшно тебе оставлять Машу одну в лесу? – Снова завела разговор Лия Исааковна, но муж только гневно вскинул на нее густые брови, из-за которых глаз почти не было видно.

– Говорю тебе последний раз – я буду в двух днях ходьбы от Марии и ей ничего не угрожает. Все! Ничего больше не говори! – Отрезал Всеволод Анатольевич и больше не поднимал голову и не смотрел в сторону жены.

Лия Исааковна глубоко вздохнула и отошла от него. Она знала, что спорить с мужем бесполезно. Все равно сделает так, как задумал. И племянницу потащит в тайгу, но уже, как она задумала. Неужели все в их родне такие упрямые? Это раньше, когда они были гораздо моложе и муж уходил в лес, она ждала его возвращения, слушая каждый звук, но с годами все сменилось спокойным ожиданием.

А Маша и дядя, улыбаясь, перемигивались и сохраняли полное спокойствие. Иногда к ним подходил Кира и, посмотрев на тщательные сборы, удалялся к телевизору. Он знал, что отец не любит, когда его отвлекают и не приставал с вопросами.

Через часа три с половиной все, что пригодится для длительного проживания, было готово.

– Извини, бабуля, но ты же знаешь, что я не люблю, когда говорят под руку во время сборов, – он обнял жену и нежно поцеловал в щеку.

Лия Исааковна расцвела и с нежностью и заботой посмотрела в глаза мужу. Этого он не мог вынести и поднялся. Посмотрел на каждого, кто находился в комнате.

– Ну, мы готовы! Завтра раненько и поедem, – провозгласил он.

Никто ему не возразил. Маша согласно кивнула и улыбнулась. Наконец-то она завтра уедет от шумного и большого города. Пусть это даже не ее родной город, но и он ей надоел.

Глава 2

Юлия быстрым, мерным шагом ходила по большой комнате, перекидывая длинные черные, конечно, крашенные, волосы, поворотом головы с одного плеча на другое.

Аркадий сидел в удобном кресле и делал вид, что ему ни до чего нет дела, а он просто ждет, когда друг соберет свои вещички, попрощается с дочкой и покинет на пару недель свое гнездышко. Ему надоело, что Юлия постоянно, и обязательно при всех, начинает выяснять отношения. Это она проделывала и сейчас. Аркадий тихо радовался, когда Юлия бесится в бессильной злобе, но ничем не может возразить Вадиму. Он не мазохист, но что-то ему не нравилось в молодой женщине.

Вадим, казалось, не видел ничего. Он просто не обращал внимания на грозные стрелы, которые вылетали из глаз подруги. Они были знакомы восемь лет. Она тогда была еще двадцатидвухлетней девчонкой, но ему-то было сорок один. Только молодую девушку это не смутило. Она поняла, что вытянула в жизни счастливый билет.

Но... не тут-то было. Через пару месяцев после знакомства Вадим познакомил ее с маленькой дочкой, о существовании которой он ни разу не заикнулся. Как он мог? Юлия всегда думала, что она главная женщина в его одинокой жизни, а оказалось, нет! Какая-то соплячка при ней прижималась к Вадиму, называя его «папа»!

Большим умом маленькой восьмилетней девочки Васька поняла, что справиться с «дулькой» она не сможет – папа души не чаял в дочке. Но, глянув, в глаза друг друга, обе поняли, что мира меж ними никогда не будет. Вадим так тогда и не понял, что мило улыбающиеся подруга и дочь не друзья, а враги.

Итак, они с Вадимом были знакомы целую вечность – восемь лет. И все это время, каждый год, он собирался недели на две в тайгу на дальнюю заимку к отцу самого лучшего своего друга Аркадия. И каждый раз Юлия устраивала ему показательные сцены. Она так старалась перед Аркадием и Васькой! Но последнее время Васька не слушала ее: четыре года назад отец подарил ей компьютер и девочка, при подобных сценах, просто надевала наушники.

Вадим приглашал и не раз Юлию с собой в тайгу, но подобный экстрим не по ней! Одно то, что там нет никакой цивилизации, приводил ее в полный ужас! Что станет с длинными нарощенными ногтями? Муравьи... Б-р-р!

Молодая женщина еще раз поняла, что это не для такой леди, как она. Юлия не могла понять, чем клубные тусовки не устраивают Вадима? И чем они хуже лесной тишины? Но Вадим оказался крепким орешком – он, не смотря на все скандалы, был верен себе.

Аркадий его тоже плохо понимал, но все равно договаривался с отцом и только в этом году не успел договориться. Впрочем, он надеялся, что это ничего не поменяет и был полностью спокоен. Он присутствовал при сценах на этот счет между ними. Он знал, почему она злится: вместе-то они долгое время, а в ЗАГС ее так и позвали.

Вадим никогда не говорил о матери Васьки. Ни с кем. Ни с кем не делился своими переживаниями, ревностно охраняя память Глафиры. Рана затянулась, но остался шрам и постоянные воспоминания о ней в образе дочери.

Васька сидела в своей комнате, играя во что-то и, покачивая в такт музыке, головой, которая была слышна только ей одной. Сегодня отец снова уезжает и на две недели к ним в дом въедет бабушка Виктория Семеновна – теща Вадима. С ней Вадим старался находить общий язык, чтобы, если надо, она присмотрела за Васькой.

Девушка спокойно относилась к бабушке. Ей по большому счету было все равно, будет она здесь жить или нет, а вот по поводу отъездов отца всегда переживала, но ничего не говорила.

Вадима же занимали собственные мысли, а не грозные взгляды Юлии. Все ли он сделал? Достаточно ли денег оставил? Подошел к письменному столу и снова проверил телефоны аварийных служб. Пошел в кухню и оценивающе изучил содержимое холодильника.

Юлия, молча, смотрела как он, по-хозяйски, все проверяет, остановилась у окна. А, может, ей просто надоело метаться от одной стены к другой мимо Аркадия, который терпеливо молчал? Пошарив взглядом, она нашла в углу стул и приземлилась на него, закинув длинные ноги одну на другую.

Аркадий вздохнул: наконец-то она перестала маячить перед ним!

– Не нужно так вздыхать! – Раздраженно взвизгнула Юлия, поняв его вздох. – Я бы на твоём месте не позволила Вадиму ехать, если ты ему на самом деле друг!

– Юля, я пока останусь на своём месте и позволю другу делать то, что ему необходимо именно сейчас. Он хочет ехать – пусть едет, – ответил Аркадий, пытаясь скрыть раздражение.

Вадим благодарно посмотрел на него. Он устал от придирок и сцен Юлии. Потом перевёл взгляд на дочь: она скрылась от всех, в наушниках. Взгляд его заметно потеплел. Юля перехватила взгляд Вадима и взревела:

– Ты даже о дочери не подумал!

– Мои отношения с Васькой – это моё дело! А ты с ней так и не договорилась, – спокойно парировал Вадим. – Мы понимаем друг друга с одного взгляда. Ты же нас никогда не понимала. Вася это чувствует.

– Она у тебя очень странная. Ты только её и замечаешь. И имя для неё странное выбрал.

– Имя мы выбирали с женой. Ей нравилось.

Юлия что-то хотела сказать, но Вадим её остановил:

– Подумай, надо ли говорить то, что ты хочешь сказать? – Тон его был поразительно спокоен и даже равнодушен.

Юлия с трудом сдерживала эмоции, но не проронила ни слова, а только отвернулась. Аркадию надоело в сотый раз смотреть подобный спектакль и, размяв в пальцах сигарету, вышел на балкон.

– Ты и Аркашку не стесняешься! – Снова бросила Юлия, нервно передернув плечами.

– Мне не за что перед ним оправдываться, а тебе следовало бы вести себя спокойней. Никто не виноват, что мы разные.

У Юлии не нашлось чем нанести ещё ответный удар. Она фыркнула и отошла к окну.

Снова потекли тягостные минуты. Вадим опять посмотрел на дочь и улыбнулся. Юлия заметила, сколько нежности было в его глазах. На неё он давно так не смотрел. Домосед и трудоголик, Вадим очень редко и неохотно ходил на тусовки. Юлия все время психовала на него, а у Вадима в голове было только две мысли: работа и дочь. Этого-то не могла понять подруга. Ей претило, что между ними стоит Васька, а с ней и воспоминания о жене. Но больше всего возмущали вечные разговоры о работе!

Она посмотрела через стекло на Аркадия: тот курил, опершись на поручень ограждения балкона. Она не удивилась его спокойствию. Похоже, только её раздражал отъезд Вадима. Эта соплячка, так называла про себя Юлия Ваську, совсем не расстроена! Как же! Она остаётся одна. Бабку можно не брать в расчёт!

Вадим, пока она размышляла и, молча, бесновалась, не сводил взгляда от дочери: Васька не прекращала играть, молотя по клавиатуре пальцами, и покачивала головой в такт неведомой музыке в наушниках. Потом перевёл глаза на подругу. Ему показалось, что время, скандалы и капризы Юлии адаптировали его к её характеру. А, может, он перестал её любить? С ума сойти! Ничего не дрогнуло внутри от подобной мысли! Неужели?

– Может, все-таки останешься? – Как можно спокойней снова спросила Юлия.

Вадим подошел к ней, взял её за плечи и спокойно сказал, глядя в глаза:

– Не устраивай истерик. Это не поможет: я все равно уеду. И не бросай раздраженные взгляды на Ваську.

Глаза Юлии стали круглые и чуть не выскочили из орбит: каков хам! Она хотела что-то сказать, но слова застряли в горле.

– Ничего не говори. Нам нужно побыть врозь.

– Что? Что ты сказал? – Юлия не поверила своим ушам.

– Да ты это и сама знаешь, – продолжал Вадим спокойно. – И Ваську ты ненавидишь. Я давно заметил. Много мы не понимаем друг в друге. Потому и надо отдохнуть порознь. И Васька отдохнет от твоих придирок.

– Твоя Васька меня даже не видит! – Завизжала Юлия.

– Вы одинаково обожаете друг друга. Разговор окончен, Юля. Пока меня не будет, подумай, нужны ли мы тебе?

– Кто это «мы»?

– Я и Васька.

– А при чем тут Васька?

– Без нее меня нет и никогда не будет. Значит, не будет и нас.

Вадим отошел к столу и принялся что-то писать. После последних слов он даже не удостоил ее взгляда. Все, что она хотела сказать еще, так и осталось не сказанным. Спиной Вадим чувствовал, как горят злобой ее глаза. Через несколько секунд он услышал громкий хлопок входной двери.

«Она не только входная, но и выходная,» – грустно подумал он.

Аркадий вошел в комнату после хлопка двери. Молча, посмотрел на нее – от хлопка дверь открылась. Подошел и закрыл.

– Что дальше? – Не громко поинтересовался он.

– Я не знаю, – ответил Вадим.

Аркадий никогда не видел у него такого затравленного взгляда. И боль, и отчаянье, и полная безнадега. Еще немного и, казалось, польются слезы, но этот порыв Вадим сдержал. Только веки покраснели.

Отведя глаза от Аркадия, устался в стену. Несколько раз глубоко вздохнул, приводя в порядок эмоции, вошел в комнату к дочери и положил ладонь ей на плечо.

– Васенька, – негромко позвал ее, но она не услышала. – Василиса! – Повторил громче, снимая с головы дочери один наушник. – Вася, мне пора ехать. Через пару часов приедет бабушка. Будь по-ласковей.

Васька, молча, кивнула, поднялась с кресла и уткнулась лбом отцу в грудь. Вадим одной рукой обнял ее за плечи, а другой погладил по голове.

– В этом году я еще раз съезжу один, а на следующий поедem вдвоем. А?

Васька с надеждой поглядела на отца и с улыбкой мотнула головой:

– Правда? – Глаза девушки загорелись от радости.

– Конечно.

– Здорово, – прошептала и снова уткнулась лбом в грудь. – А Юлия не будет меня навещать?

– Думаю, нет.

– Отлично! – вздох облегчения непроизвольно вырвался у нее.

– Будете только ты и бабушка. Слушайся ее.

Наконец-то она оттолкнула от себя отца.

– Уматывай. Я не люблю долго прощаться, – улыбнулась она.

– Уговорила, – засмеялся Вадим каким-то грустным смехом, но ничего больше не сказав, взял огромную дорожную сумку и большой рюкзак и направился к выходу. Аркадий пошел следом и становился возле Васьки.

– Не против, если я заеду? – Спросил он у Васьки.

– Нет, – довольно ответила девушка и тихо добавила: – Лучше вы, чем Юлия.

Аркадий понимающе подмигнул и продолжил путь к двери. Мужчины услышали как щелкнул замок двери.

В молчании они спустились с четвертого этажа панельной пятиэтажки, сели в темно-синий «Ленд Крузер» Аркадия. Он положил ладони на руль, обитый коричневым мехом.

– Все сделал? – Как бы спрашивая то ли его, то ли себя спросил Вадим. – Да. Тогда поехали.

Огромный внедорожник мягко тронулся с места и исчез со двора.

Васька, отодвинув тюлеватую штору, провожала их взглядом и, когда они скрылись, кинулась к телефону. Быстро набрала номер и, после долгих гудков, послышалось не молодое:

– Алло.

– Бабуля, привет, – затрещала Васька.

– Васенька, хорошо, что ты позвонила. Отец уехал?

– Да. Я потому и звоню. Ты, в котором часу приедешь?

– Часа через два.

– Бауля, а ты можешь приехать попозже?

– Ко сколько?

– Часам к восьми. А?

На другом конце задумались.

– Ну, хорошо, – согласилась Виктория Семеновна. – Но к восьми вечера я буду у тебя.

– Ладно-ладно, бабуля! – прощепетала Васька и положила трубку.

Полистав, справочник, она набрала один за другим три номера и всем говорила, что отец уехал и она совершенно одна и у нее можно встретиться. Через минут пятнадцать в дом к Вадиму начали стекаться Васькины подружки. Мирно забравшись с ногами на постель и начали щебетать о своем, о девичьем.

Юлия, хлопнув дверью, выскочила из подъезда и пулей влетела в серебристую «Вольво». Села и постаралась успокоиться. Пару раз ударила по баранке ладонями, но не помогло. Неуемная злость не давала ей успокоиться. Наконец, она повернула ключ и нажала на газ.

Через полчаса она подрулила к салону красоты. Быстрым шагом она вошла в зал, обвела глазами: на месте. Уверенно прошла через зал к маникюрше. Когда-то она и сама работала здесь. В этом салоне. Но, после знакомства с Вадимом, бросила возиться с чужими ногтями и сидела дома, занимаясь собой.

И только у себя дома.

К Вадиму она так и не переехала, хотя и пыталась, но с Васькой у них не сложились отношения. Она ревновала Вадима к дочери. Потом Юлия захотела машину и Вадим купил ей серебристую «Вольво». Васька ничего не сказала на это отцу, пусть подруга отца и была ей не по душе. Встречались они у Юлии дома, чтоб не травмировать дочь.

Васька согласна была принять любую женщину – не жить же отцу одному – только такой пока не нашлось. Юлия ее терпеть не могла и девушка отвечала ей тем же. Правда, при встрече обе дипломатично улыбались друг другу, только теплей от таких улыбок не становилось.

Вадим это видел и не спешил вести подругу к венцу. Юлия зеленела от злости, но ничего не могла поделать: дочь для Вадима главная женщина его жизни. Сколько раз она сама предлагала пожениться, но Вадим уклончиво отвечал, что Васька это не понравилось.

Юлия дождалась, пока маникюрша освободилась, и села на стул за маленьким столиком напротив мастера. Маникюрша терпеливо ждала, когда подруга соберется с мыслями и начет говорить. Юлия фыркала еще пару минут. За это время мастер налила в пиалку теплой воды и плюхнула туда немного жидкого мыла. Юлия опустила в воду пальцы, а маникюрша удивленно спросила:

– А лак снимать не будешь?

– Черт, – простонала Юлия, вынимая пальцы из пиалки.

Она вытерла полотенцем ногти и принялась стирать старый лак. Лак почему-то снимался с трудом.

– Что, все-таки, случилось? – Поинтересовалась маникюрша.

– Вадим снова уехал! Он не подумал обо мне, зато подумал про свою доченьку!

– Ну, здесь я его понимаю – дети самое главное.

– А я? Я не главное?

– Юлька, ты не можешь понять, что у него ничего больше нет. Ты не хочешь это понять и потому до сих пор не нашла общий язык с его дочкой.

Юлия странно посмотрела на подругу – она не понимает, что с этой соплячкой никто не сможет найти общий язык! Она не просто не любила дочь Вадима, а терпеть не могла! И ничего не могла с этим поделать

После обеда Маша сладко потянулась: гречка с тушенкой еще не надоела ей за два дня и казалась безумно вкусной! Всеволод Анатольевич ушел вчера с утра на соседнюю делянку, а она в пятнадцати километрах. Попрощался он с вечера, чтобы утром не будить Машу и сына. Кира проснулся часам к десяти. За это время и Маша успела проснуться, вскипятить чайник на костре и разогреть уху. Вот он-то и разбудил кузена. Кира потянул носом рыбный аромат.

– Давно проснулась? – Спросил он, потягиваясь, и, спуская ноги с топчана, очутился сразу в ботинках.

– Час назад. Завтракать будешь?

– Нет. Только чай, – вышел из избушки.

Маша налила в зечерненные эмалированные кружки крепкий чай и положила рядом столовые алюминиевые ложки. Кира посмотрел на этот натюрморт.

– М-да. Ци-ви-ли-за-ция! – Зачерпнул столовой ложкой сахар и с грохотом принялся помешивать.

Маша налила себе ухи и ждала, пока не остынет. Никогда она не пила горячие напитки и не ела горячей пищи.

– Решила подкрепиться поплотней? – Кирилл кивнул на тарелку.

– Да. Хочу побродить по лесу.

– Броди. Только осторожней – здесь медведи тоже бродят.

– Пусть бродят, – ответила она, отправляя ложку с ухой в рот. – Я же им мешать не буду.

– Если встретятся, то стреляй. Отец оставил свое старое ружье и пару пачек патронов.

– Не холостых?

– Очень даже нет, – улыбнулся Кирилл, отставляя пустую кружку. – Ладно. Мне пора ехать. Соскучишься же в этой тишине.

Маша отрицательно покачала головой. Кира подошел к «УАЗику», сел в него. Машина послушно завелась. Он три раза посигналил и уехал. Маша осталась одна. Она еще раз оглядела сосны и кедры, росшие рядом с избушкой, и вздохнула, что ее ждет за две недели пребывания в глуши? Плохие мысли она сразу отогнала прочь.

В тишине она слышала слабый, но звонкий, разговор ручья. Пошла в избушку, прибрала лежанки и села, скрестив ноги почти в позу «лотоса».

И что дальше?

Ноутбука нет. Бумагу она специально не взяла. Спиц с нитками для вязания тоже нет. Ей стало вдруг пусто и она одна в этой пустоте! Одним решительным движением она влетела в туфли и выскочила на улицу. Там ничего не изменилось – птички чирикали, тишина оглушала, ручей шумел.

Страхнув страх пустоты, Маша взяла пятилитровый бидончик и пошла к ручью. Он оказался метра полтора, но глубокий. В нем водилась какая-то рыбка. Из нее и сварили уху. Набрав свежей воды, пошла обратно. Поставила бидончик на низенькую скамеечку и снова вышла на улицу. Решив пройти дальше, Вернулась, взяла ружье и патронташ с патронами, застегнула его на талии, но он упал на бедра.

«Неплохо смотрится!» – Невольно подумала Маша и вышла.

Вооружившись до зубов, направилась, по еле видной, тропе. Вокруг пели птицы, которых она не знала. Все было ново и красиво. Солнечные лучи пытались пробиться сквозь густые кроны к траве. Ружье было неплохим, но тяжелым атрибутом для походов в тайгу.

Она шла, разглядывая каждую травинку, определяя ее ценность для человека. Она так увлеклась рассматриванием трав, что не заметила, как ушла далеко от избушки. Оглянулась – а как обратно? Маша вспомнила, что плохо ориентируется в лесу. Вовремя! А! Вот трава притоптана! Маша пошла обратно по своим старым следам, выискивая их среди травы.

Через минут двадцать она вышла к избушке. Быстро нырнула в дверь и заперла ее за собой. Хватит на сегодня приключений! Вспомнив, что прихватила несколько книжек, развалилась на топчане, устроив книги на подушке. Книга была «изучена» еще раньше и Маша выискивала в ней интересные места и смаковала их, перечитывая по несколько раз.

За окошком темнело. Сумерки наступали стремительно. Густые кроны загораживали заходящее солнце, а толстые стволы почти не пропускали его сквозь.

«Что там мальчишки делают?» – Думала Маша. Она уже успела соскучиться по ним.

Мальчишки уже могли самостоятельно и сварить себе и постирать в машине-автомате. И каждый в своей квартире. Но, пока только она знала, что они любили во всех отношениях. После расставания у ворот, мальчишки влетели в дом с гиканьем и улюлюканьем. Если бы мама увидела их в тот момент своих сыновей, у нее волосы бы встали дыбом. Пусть она тешится надеждой, что они соскучатся, пока ее не будет с ними.

Взрослые сыновья, закупив в маленьком магазинчике по-больше чипсов и «колы» и замороженных пельменей, засели за компьютеры, вошли в «сеть» и принялись стрелять в одетых, как маджахеды, врагов. К ним присоединились виртуальные друзья, которых они знали только по «никам». Больше в реальном мире их никто не видел.

Маша это знала.

Глава 3

Сегодня была первая ночь, когда ей предстояло провести совершенно одной в глухой тайге. Прошлой ночью с ней был дядя Сева и Кира. С ними было, как ни странно, абсолютно не страшно, а сейчас на маленькую полянку, избушку и, казалось, на нее самую надвигалась темнота с короткими сумерками..

По потолку слышались чьи-то маленькие шажки. Очень быстрые.

«Значит, зверь маленький,» – подумала она, а окном ухал то ли сова, то ли филин.

В них она слабо разбиралась. Ее конек – это травы. А зверей Маша видела только в зоопарке. Там-то было ясно написано кто сидит за клеткой. А здесь? Попробуй, распознай по шагам и голосам!

Прислушиваясь к звукам и шорохам, она могла только узнать далеко зверь или близко. За этим занятием сон и сморил ее. Слушая звуки, она забыла закрыть дверь на замок. Но теперь ее не тревожило ничто в мире. Ее страх одинокой ночи остался где-то до сна.

Она не слышала треска кустов у избушки. Разбудил только громкий крик. Маша подскочила на топчане и не поняла сначала, откуда слышится крик и где она сама? Оглянувшись – поняла, вернее, вспомнила... Крик становился то сильнее, то слабей.

– Помогите! – Различила она мужской голос и собралась было бежать на помощь. – Дядя Сева! – Казалось, из последних сил крикнул голос и Маша услышала громкий рев.

«Медведь!» – Пронеслось стрелой в мозг.

В одно мгновение она зарядила двустолку шестнадцатого калибра патронами, которые оставил дядя Сева против хозяина тайги. Открыла дверь: на полянке, шагах в двадцати, луна освещала человека. Над ним склонился огромный лохматый зверюга. Понимая, что сразу мне зверя не победить, я все-таки, начала действовать.

– Эй, громила! – Крикнула она, чтоб привлечь внимание животного, холодея от собственной смелости.

Медведь оставил жертву и прошел к ней шага три. Вдруг он остановился и поднялся на задние лапы и взревел, чувствуя новую жертву.

Грянул выстрел дуплетом и огромной силы толчок в плечо усадил Машу на землю, но она тут же вскочила, убежав в избушку. Закрыла дверь и перезарядила ружье. Зверь, от сильной боли стал еще опасней. Пока медведь шел к ней, Маша выбила окошко и снова выстрелила в него из двух стволов. На этот раз, не позволив оружию ее усадить, прижав крепче к плечу. Зверь, словно не замечал ран и уже пытался пролезть в маленькое окошко. Перезарядив ружье еще раз, Маша выстрелила ему прямо в пасть из одного ствола. Огромная туша упала прямо под окном.

Как это получилось? Ей казалось, что прошло так много времени, пока она старалась спасти себя. Руки дрожали. И совершенно не слушались от полученного адреналина.

Она стреляла-то только в тире да по банкам! Ружье выпало из рук на колени. В голове зашумело и к горлу что-то изнутри подкатило и чуть не выплеснулось, но Маша вспомнила, что она не просто стреляла в медведя, а спасала кого-то.

Ноги не хотели поднимать ее. Она открыла дверь и на четвереньках поползла к медведю, оставив ружье на месте. Попробовала достать зверюгу ногой. Попинала носком – не шевелится. Я впервые в своей жизни убила не просто кого-то, а хозяина тайги. На трясущихся ногах я пошла искать просящего помощи.

Где же этот чертов «натуралист»? Пошарив по траве ладонями, она нашарила, что на поляне лежал мужчина ростом и телом не уступавший медведю! Мужчина был без сознания. Маша в темноте почти не видела его раны и остается оттащить его в избушку. Там есть три керосиновые лампы и можно хоть что-нибудь разобрать. Первая попытка сдвинуть

мужчину с места хоть на пару сантиметров закончилась неудачей. Во второй раз она подхватила его за подмышки и попятилась к избушке. Через четыре шага остановилась и села передохнуть.

«Натуралист» был действительно около двух метров ростом, но не толстый, а мускулистый – это хорошо нащупывалось через куртку.

«И где их таких выращивают! Господи! О чем я думаю?» – Удивлялась, устало, Маша. Собравшись с силами, она снова, отдыхая, подтаскивала тяжелую ношу ближе к дверям и побежала зажечь все лампы. Избушка озарилась теплым светом. Снова, из последних сил, она подхватила его под подмышки и втащила на середину комнаты и аккуратно положила на пол.

Такого зрелища она никогда не видела: щека насквозь прорезана двумя когтями и располосована грудь. Все в крови. Она закаменела от шока. Потом подхватилась и прислонила ухо к растерзанной груди – дышит! Жив! И что ей теперь делать? Она же не хирург! Покопавшись в дорожной сумке, она достала зеленку, перекись водорода и бинт. Посмотрела на то, что достала и бросила обратно. Сначала надо промыть водой.

С большим трудом она старалась раздеть свою «находку» на полу. Сначала сняла порванную ветровку, потом клетчатую рубашку. Подложив под мужчину его же одежду: не лежать же на голом полу! – она принялась бинтом промывать раны водой из ручья.

«Глубокие!» – Пожалела она мужчину.

Все, что она могла придумать – это опять пойти к медведю и отрезать у него лапу, так делают алеуты, чтобы расщепленными сухожилиями сшить раны. Как ей пришло такое в голову? Она и сама не поняла, но, взяв тесак, пошла притворять свой план в действие.

Дотронуться до зверя было страшно. Все время казалось, что он оживет и конец придет не только ее отпуску, но и ей самой. Торкнув в лежащую лапу коником ножа, Маша снова хотела удостовериться в неподвижности животного. Неподвижен! И со всей силы воткнула нож в лапу медведя, стараясь отрезать по суставу. Работа оказалась не легкой. Да и лапа весила не мало.

В избушке аккуратно отделив сухожилия, промыла их в воде и расщепила на тонкие волокна-нити. Осторожными движениями сшила сначала две длинные, от верхнего края уха до подбородка, сквозные раны. Неожиданная работа по «штопке» человека ей не особо нравилась. Получалось медленно, но ровные швы пришлись по душе. Теперь следовало приняться за раны на груди.

Длинные рваные полосы тянулись слева от подмышек почти до пупа. Снова промыв раны, так же осторожно наложив швы, Маша устало села рядом. В любом случае она не хирург, а только массажистка. Да и то, пройдя курсы.

Отдышавшись, решила отмыть с тела остатки присохшей крови. Замочила ветровку, а осмотр рубашки показал, что она реанимации не подлежит и бросила в печку. Все хорошо, но как положить незнакомца на топчан? Покрутившись вокруг него и так и этак, она, переложив его на одеяло, подняла на лежанку. Этот труд доконал ее силы. Потом она осторожно вытащила одеяло из-под отяжелевшего тела.

– Вот это работенка! – Устало сказала она сама себе, стараясь отдышаться.

Достав из аптечки жаропонижающее, положила на стол. Посмотрела на наручные часы: половина четвертого ночи. Или утра? Надо подремать, но случайный пациент застонал. Маша вспомнила, что медведь рвал ему на груди. Может, ребра сломаны? Ловкими движениями чувствительных пальцев «прошлаась» по груди. Целая!

Она села на своей лежанке, укрыв колени одеялом и закрыла веки. Морфей мгновенно окутал ее своими чарами.

Рано утром, не было еще и шести часов, глаза сами открылись. Посмотрела на больного: он ровно дышал, и снова закрыла глаза. Спать больше не хотелось и Маша оделась. Заправила длинные каштановые волосы под платок и вышла.

Утро оказалось замечательным. Солнце собиралось светить ярко. По холодной росе Маша пошла к медведю. Вот это раны она ему сделала! На прохладной росе стоять оказалось неуютно. Она пошла к потухшему костру и развела огонь. Чай был бы очень полезен сейчас.

Маша специально не брала с собой чай, а решила заваривать лесные травы. Она пошла в избушку взять бидончик, но там не оказалось воды – вся потрачена ночью на незнакомца. Кстати, как он? Маша подошла к нему: спит. Взяла второй котелок и бидончик и вышла. Котелок оставила около костра, а с бидончиками пошла к ручью.

Чай был пахучим и необыкновенно вкусным. Маша сидела за столом, когда мужчина снова застонал. Она подошла и увидела, что он открыл глаза, удивленно уставившись на нее.

– Ну, что ж. Живой? Это хорошо. – Улыбнулась она «натуралисту».

– Вы кто? – Спросил незнакомец, болезненно поморщившись.

– Сейчас это не важно. Главное, вы живы, хотя вас изрядно потрепали, – она сделала попытку улыбнуться.

Попытка не удалась.

– Что со мной? – Морщась от боли, спросил незнакомец.

– Ничего особенного: решили познакомиться с медведем, но зверюга не поняла добрых намерений и коготки почти насквозь прорезали щеку и поцарапали грудь слева, – выпалила Маша. – Там, – она мотнула головой в сторону двери. – В паре шагов от избушки лежит.

– Надо бы освежевать.

– Вас уже почти освежевали, теперь очередь медведя.

– ..?

– Покормить вас надо бы. Силы еще пригодятся вам, – ответила Маша и, взяв тесак, вышла, но в дверях оглянулась: – Если что – кричите. – И вышла.

Солнце взошло, но утренняя прохлада взбодрила, а роса снова намочила ноги в пляжных босоножках. Маша потянулась, подняла голову, увидела, зажатый в ладони тесак и ей стало смешно.

«Я похожа на индейца в походе за скальпами!»

Медведь лежал горой, не успев еще остыть. Его шкуру кто-то пытался порвать, но, видимо, этого «кого-то» Маша спугнула. Она, не торопясь, распластала снятую шкуру по траве его шкуру. Да это не медведь, а медведица! Но это все равно. Отрезала кусок мяса, бросила в чистый котелок и пошла к ручью. По прозрачной воде поплыли красные ручейки крови, которую она смывала с рук, ножа и мяса. Зачерпнула воды и повесила над потушенным костром. Все исправимо: дрова же есть. И развела огонь. Он весело заиграл на закопченных боках котелка.

Открыв дверь в избушку, Маша увидела, что «пациент» спит. Она подошла поближе и неожиданно принялась рассматривать его: красив (был до встречи с медведицей), но и шрамы будут его эффектно украшать. Глаза двинулись дальше. Пришла умная мысль, что густую черную растительность на смуглом теле около ран следует убрать. Брить не получится.

Депиляция!

Воистину, только женщине придет в голову подобная мысль! А чем тогда? Еще не много осмотрев раны, поняла, что депилятор ей и самой пригодится, а если нужно будет

кое-где убрать растительность, то вполне сгодятся и ножницы. Маникюрные. Чем она и занялась. Кончиками закругленных ножничек, выстригая кудрявые волосики на его груди.

– Хорош?

От неожиданности Маша вздрогнула и порозовела, а мужчина открыл глаза и сделал попытку улыбнуться, но тут же закрыл глаза от боли. Лицо чуть перекошено от небольшого воспаления и наличия приличных ран. А нечего улыбаться!

– Болтать меньше надо, – проворчала Маша и через разбитое окошко окошко посмотрела на костер – горит.

– А можно мне на себя посмотреть? У вас есть зеркало? – Попросил нежданный жилец.

– Через неделю, – буркнула она.

– Что через неделю? – Не понял он.

– Через неделю посмотрите. Удивитесь своей красоте и швы порвутся, – буркнула она и отвернулась от него.

– Нет, я серьезно. Интересно, на сколько, сильно потрепал меня медведь.

– Медведица, – поправила его Маша.

– Да какая разница! – Отмахнулся он.

Маша недоверчиво посмотрела ему в глаза и твердо произнесла:

– Не сомневайтесь – сильно, – порылась в косметичке и достала пудреницу, но без пудры и протянула незнакомцу. – Вот, возьмите, – и отвернулась.

Она знала, какая реакция может последовать, но водопадов из матерщины и ужасающих воплей не последовало. Он не произнес ни слова. Это хуже всего! Она понимала, что, увиденное в зеркале напугало его, но он мужественно не проронил ни слова.

Он молчал до вечера и еще два дня. Маша кормила его, каждый день уходя за дичью на несколько часов, хоть и провианта у них было вполне достаточно. Он не старалась заговорить с ним. Хотелось, чисто по-человечески, его пожалеть, сказать доброе, но она молчала. Не нужно пока это ему.

Видимо, шок был слишком велик. Пару раз она видела как он, отвернувшись к стене, вытирал слабые ручейки на внешних уголках глаз. А она не собиралась разговаривать с ним, пока он сам не переживет.

«Это хорошо», – думала она. – «Слезы еще никому не вредили». Незнакомец старался, чтобы она не заметила.

Зеркало он оставил у себя и смотрелся в него, когда она уходила охотиться. Хотя он не понимал, зачем? Продовольствия у них хватило бы еще на месяц, но она упрямо, каждый день брала ружье и уходила на три-четыре часа, оставляя его одного.

От Вадима Бромштейна.

Я очнулся на топчане с болью во всем теле. Начал вспоминать, что со мной приключилось...

«А... Медведь напал на меня. И как я от него удрал? Ничего не помню... – Увидел, как хрупкая женщина старательно срезает волосы у меня на груди маникюрными ножничками. – Вот прокол!»

– Хорош? – Спросил я ее, а она буркнула что-то мне

Попросил дать мне зеркало – лицо болело нестерпимо – вообще сказала, что через неделю даст. Я удивился и спросил:

– Почему через неделю? – Женщина ответила, что швы порвутся.

Какие швы? Ничего не понятно. Но женщина мне понравилась, не смотря на ее нежелание со мной говорить и какое-то недовольство. Я иногда на нее смотрел, пока она занима-

лась своими делами. Окно, которое ей пришлось выбить, она старательно составила из кусков, заделав небольшие дырки мхом. Переплет окна был почти цел.

Зеркало я у нее таки выпросил на свою голову. Увидев шрамы, на меня напала такая тоска, что я не мог разговаривать два дня. Я не мог даже думать – мысли покинули мою голову. Но и в эти дни, она готовила еду и кормила меня с ложечки. Подниматься мне самому было сложно, и она помогала мне. В эти минуты я успел, как следует рассмотреть ее.

Глава 4

Да она особо и не охотилась! Маша просто не могла видеть огромного сильного мужика, который сник от шрамов. Она знала, если ничего изменить нельзя, то надо привыкать!

О чем он думал она не мела понятия, но догадывалась. Во-первых, ему было больно, особенно подниматься, во-вторых – то, что он видел в зеркале, не было прекрасным зрелищем. Каждый день Маша обрабатывала его раны сначала перекисью, а потом, накладывая какую-то кашицу из травы. Незнакомец с удивлением замечал, что она помогала.

Однажды, когда Маша пришла с охоты, принесла за поясом какую-то птицу, заметила, что незнакомец не хандрит, а улыбался ей.

«Ну, наконец-то!» – Удивилась она, но виду не подала.

Он протянул ей золотистую пудреницу. Маша взяла ее из его пальцев и положила в сумку.

– Ваше зеркало. Вы отлично потрудились. Кем вы работаете? Врачом? – Первый раз он заговорил с ней нормальным языком. Не стараясь обидеть.

– Массажисткой, а шить умею, как любая другая женщина, – дала ответ Маша и принялась разделять птицу. Перья она щипать не стала, а просто сняла кожу и положила на стол тушку.

– Да. Как на машинке. А чем вы меня сшили?

– Сухожилиями медведицы – Она пожала плечами.

– М-да... сама покалечила – сама и лечит. А дядя Сева скоро приедет?

– Не знаю, – пожала плечами Маша. – Он не сказал. Мы с Кирой спали, когда он ушел.

Он снова замолчал. Отвернулся к стене, потом быстро повернул голову, но швы снова дали себя знать. Он тихо застонал.

– Как вы умудрились затащить меня на топчан? Я же раза в два больше вас по всем параметрам!

«Интересно, долго он думал над этим вопросом или вопрос родился только сейчас?» – Связвила ему молча Маша, а ему ответила:

– На одеяле, стоя на топчане. И где вас таких только выращивают? – Озвучила свой вопрос Маша со смехом.

– Дома, – помня о больной щеке, криво усмехнулся он.

– Скоро супчик будет готов. Надо только крупу бросить или макароны. А? – Она подняла одну бровь, глядя на него.

– Лучше макароны, – попросил незнакомец.

– Хорошо, – согласилась Маша. – Макароны, так макароны, – взяла пакет и пошла к костру.

– А как вас, все-таки, звать? – Крикнул он ей в след.

– Мария! – Крикнула она ему в ответ.

Ему вдруг стало смешно. Маша вернулась, а незнакомец почти смеялся, но расхохотаться он не мог. Мешали раны.

– Что вас так развеселило? – Маша заломила бровь от удивления.

– Машенька и два медведя! – Продолжал хохмить он, охая и ахая.

– Не много не так – две Машеньки и медведь. – Поправила его Маша.

– В этом есть большая доля правды! – Согласился он и снова засмеялся. – "А она хороша!" – решил он. – «Только росточек подкачал. Моя Васька и то выше почти на голову. Хотя...» – спросил еще раз зачем-то: – Значит, вы племянница дяди Севы?

– Да, но я никогда не знала своих братьев. А вы давно с ними знакомы?

– Мы выросли в одном дворе, – пояснил мужчина.

– Ясно, – сказала Маша и вышла за котелком.

Через несколько минут по избушке разбежался сумасшедший аромат мясного супа с дичью. Маша налила в две миски варево, поделив мясо на четыре части.

– Давайте я помогу вам подняться, – она подставила свои худенькие плечики под внушительное тело «пациента».

– Не раздавлю? – Заботливо спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.